В.И. Дьяченко

DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.002
УДК 910.4:39(=1.571=512.212)(084.12)

Сюжетные особенности фотоиллюстративных материалов Тунгусской экспедиции 1927–28 гг. в коллекциях МАЭ РАН (Кунсткамера)*

В 1927–1928 гг. Центральным музеем народоведения (Москва) и Антропологическим институтом Московского университета была организована Тунгусская экспедиция, которой руководил заведующий отделом Сибири музея Б.А. Куфтин. Целью экспедиции был сбор этнографических и антропологических материалов, фотоколлекций у северных и южных групп тунгусо-маньчжуров. Тематика исследований была обширной и охватывала все стороны материальной и духовной культуры коренных народов советского Дальнего Востока. В рамках экспедиции работало 2 отряда: северобайкальский (в первый год работы) и приамуро-сахалинский (оба сезона). Сначала Б.А. Куфтин проводил исследование на Северном Байкале среди ороченов, а затем проследовал на Дальний Восток для встречи с сотрудниками другого отряда, останавливаясь и изучая по маршруту следования удэхэ, гольдов, тунгусов и гиляков. В следующем 1928 г. экспедиция продолжила свою работу среди ороков Сахалина и удэгейцев, проживающих в районе р. Хор. В результате экспедиционных исследований, кроме доставки в музей большой коллекции по быту орочей, тунгусов, гольдов, гиляков (более 500 предметов), было сделано более 800 этнографических фотографий. Помимо этого, в дневниках Б.А. Куфтина содержится более 200 рисунков, на которых запечатлены различные этнографические объекты. Оценивая вклад Тунгусской экспедиции в этнографическое изучение коренных народов дальневосточного региона и, в частности, ее визуального наследия, следует отметить, что для пересекающихся сюжетных линий фотосъемок характерен энциклопедический подход. Это было обусловлено в первую очередь тем обстоятельством, что руководитель экспедиции Б.А. Куфтин придерживался сравнительно-исторического метода изучения народов как основного инструмента научного исследования.

Ключевые слова: Центральный музей народоведения, Тунгусская экспедиция 1927–28 гг., Северный Байкал, Дальний Восток и Сахалин, тунгусоязычные народы, нивхи, фотоиллюстративный материал, Кунсткамера.

Обращение к историческому наследию давно прошедших экспедиций чрезвычайно важно для решения некоторых фундаментальных проблем в истории российской этнографической науки. Это позволяет по-новому осмыслить процесс становления советской этнографии вообще и московской этнографической школы в частности.

До настоящего времени изучению истории коллекций Центрального музея народоведения (ЦМН) в Москве уделялось крайне мало внимания. Работа в этнографическом поле, организованная ЦМН, включая Тунгусскую экспедицию, способствовала профессиональному росту и формированию научных взглядов таких известных советских ученых, как М.Г. Левин, Я.Я. Рогинский, Б.А. Куфтин.

Историография российской этнографической науки много раз становилась предметом исследований как отечественных, так и зарубежных ученых. Однако Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг. остается в ней белым пятном. Именно малая изученность истории конкретных экспедиций и их результатов является одной из причин недостаточности знаний об истории ранней советской этнографии.

К тематике исследуемого вопроса обращались лишь два исследователя: А.Б. Ипполитова [Ипполитова, 2001] и С.В. Березницкий [Березницкий, 2018]. В статье А.Б. Ипполитовой рас-

*Статья написана при поддержке РФФИ (грант № 18-09-00537А).

© Дьяченко В.И., 2020

смотрены основные вехи истории становления и закрытия Центрального музея народоведения в Москве, а также приводятся некоторые сведения по истории руководимого Б.А. Куфтиным в 1920-е годы отделом Сибири. Автор приводит ряд интересных фактов из истории этнографических экспедиций, организованных ЦМН (включая Тунгусскую экспедицию), описывает историю собирания и передачи коллекций в другие музеи.

В работе С.В. Березницкого рассмотрен один из аспектов проведения экспедиционных работ – сбор фотографических материалов Б.А. Васильева по орочской культуре, хранящихся в архиве МАЭ РАН. На фотографиях исследователя, сделанных в местах проживания орочей в бассейне реки Тумнин, запечатлены местные поселения и жилища, особенности быта, хозяйства, верований и праздников, показана степень культурного влияния на орочей русских переселенцев. Исследователю удалось зафиксировать в фотографиях многие аспекты древнего ритуала, сопровождающего медвежий праздник: ритуальное приготовление медвежьего мяса, захоронение костей и черепа медведя на особом кладбище и др. С.В. Березницкий подчеркивает, что орочские фотоматериалы Тунгусской экспедиции являются ценнейшим источником по культуре и этническому облику одного из тунгусо-маньчжурских народов Нижнего Амура.

В формировании фотоколлекций по традиционной культуре народов советского Дальнего Востока, хранящихся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера), в свое время значительную роль сыграл Центральный музей народоведения в Москве, который работал в течение почти четверти XX столетия, с 1924 по 1948 гг. Организовать Музей народоведения делались попытки еще в 1860-е гг., однако осуществить на практике это удалось лишь после революции. Для этого в Москве подобрался коллектив единомышленников и высококвалифицированных специалистов: фольклористов и этнографов, археологов и антропологов, историков и музейщиков, и с этого времени новый музей стал одним из главных этнографических центров в стране. Основой его комплектования послужили материалы Румянцевского и других музеев, а также приобретенные экспонаты, благодаря поступлениям от собственных экспедиций [Ипполитова, 2001]. Одним из приоритетных направлений его работы стало изучение культур коренных народов Сибири. Отделом Сибири московского музея с момента его создания по 1930 г. руководил Б.А. Куфтин, при котором были развернуты полевые работы большого масштаба.

В 1927 г. на просторах Восточной Сибири начала работу Тунгусская этнолого-антропологическая экспедиция, которую возглавил Б.А. Куфтин. Эта экспедиция была совместной, в ней участвовали сотрудники Центрального музея народоведения, а также Антропологического института Московского государственного университета. Главной ее целью была задача комплексного обследования тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока и острова Сахалин. Работа экспедиции проходила на обширной территории в течение летних месяцев 1927–1928 гг.

Летом 1927 г. экспедиция отправилась на восток страны и, прибыв в Иркутск, разделилась на две части. Одна группа (западная) должна была работать на северном берегу озера Байкал, вторая отправилась дальше на восток, чтобы охватить своими исследованиями Нижний Амур, Приморье и остров Сахалин.

Западную группу экспедиции составили Б.А. Куфтин (Музей народоведения) и два аспиранта Антропологического института М.Г. Левин и Я.Я. Рогинский.

Отплыв с пристани Байкал и направившись на пароходе к северному побережью озера, исследователи прибыли на место в десятых числах июля. Используя для передвижения по воде лодку с парусом, участники экспедиции добрались до селения Душкачаны и обследовали стойбища ороченов Киндигирского и Шамагирского родов. Б.А. Куфтин отмечал в своем полевом дневнике, что с приездом на северный Байкал им «откровенно повезло»: таежные кочевники Киндигирского рода как раз находились в селении, так как они собрались и приехали сюда на ежегодный *суглан* [АМАЭ. Ф. 12. Оп.1. Д. 51, лл. 47, 48].

Другая группа экспедиции в составе Б.А. Васильева – помощника главного хранителя отдела Сибири в Музее народоведения и студента-антрополога А.Н. Покровского из Иркутска отправилась на поезде далее на восток, в Приморье. Здесь, в районе расселения орочей, они проводили обследование местных жителей бассейна рек Хади и Тумнин.

Б.А. Куфтин оставил первую группу на северном побережье Байкала, а сам произвел археологическую разведку на восточном берегу озера. После этого он ночью на лодке переплыл озеро и вернулся в Душкачаны. Дождавшись парохода, исследователь возвратился в Иркутск, откуда на поезде выехал во Владивосток. По пути на восток он останавливался в г. Свободный, где в течение двух дней производил археологические раскопки тунгусских погребений, находящихся в районе устья р. Зеи. После этого исследователь через Хабаровск направился на соединение со второй группой экспедиции, попутно знакомясь с традиционной культурой удэгейцев, гольдов и гиляков.

В «Путеводителе по отчетной выставке Тунгусской экспедиции» Б.А. Куфтин отмечал, что в результате первого года работы отрядов экспедиции были собраны коллекции по хозяйству, быту и традиционным верованиям у орочей, тунгусов, гольдов, удэхэ и гиляков (более 500 предметов). Одновременно с исследованиями сотрудниками было сделано свыше 400 оригинальных фотографий по культуре всех упомянутых народностей [АМАЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 109].

В 1928 г. экспедиция работала также научными силами двух отрядов. Начальником Сахалинского отряда был Б.А. Васильев, где кроме него работали студент-антрополог МГУ А.Н. Покровский и волонтер А.М. Пришвин. Амуро-Приморский отряд возглавлял Б.А. Куфтин, художник В.А. Ватагин, а также музыковед и жена Куфтина В.К. Стешенко. В этот полевой сезон антропологи М.Г. Левин и Я.Я. Рогинский по каким-то причинам уже не значились в списке участников экспедиции.

Сахалинский отряд произвел этнографическую разведку среди ульчей и нанайцев в низовьях Амура, а основной его работой стало обследование ороков на северо-восточном берегу острова Сахалин. В ходе экспедиции сотрудниками были собраны интересные коллекции по традиционному хозяйству, медвежьему празднику, национальной одежде, деревянной резьбе и отснят большой этнографический фотоматериал.

Амуро-Приморский отряд сначала работал среди удэгейцев на р. Хор (север современного Приморского края), где собирал материалы и коллекции по традиционным костюмам, рыболовству, охоте и шаманизму. По последнему разделу был подробно зафиксирован двухдневный шаманский обряд с жертвоприношением, во время которого проводились фотосъемки, делались рисунки и велись нотные записи. Помимо этого, обследовались в этнографическом отношении и нивхи – коренные жители Амура.

Кроме сбора этнографических экспонатов для Музея народоведения, работа экспедиции 1927–1928 гг. была призвана решать поставленные исследовательские цели этногенетического порядка. Б.А. Куфтин не успел (или не смог в связи с его арестом и ссылкой) обработать полевые материалы и опубликовать их. Большая их часть осталась в виде полевых дневников и черновых записей, дополненных зарисовками различных предметов материальной культуры, жилища, одежды, водных средств передвижения, традиционного орнамента, шаманских принадлежностей, а также записями соответствующей терминологии.

В качестве визуального наследия Тунгусская экспедиция оставила достаточно большую коллекцию фотографий и негативов, а также рисунков, сделанных в полевых дневниках, которые отражают состояние культурных традиций народов Дальнего Востока и Сахалина в первой трети XX в.

В отделе Сибири Кунсткамеры хранятся несколько фотоиллюстративных коллекций Тунгусской экспедиции, чье авторство принадлежит Б.А. Куфтину, М.Г. Левину и Б.А. Васильеву. Это пять фотоколлекций по хозяйству и традиционной культуре эвенков-ороченов, ороков, орочей и нивхов (гиляков), в которых насчитывается около 450 фотографий: И-1781 – 166 ед.хр., И-1738 – 91 ед.хр., И-1739 – 43 ед.хр., И-1811 – 78 ед.хр., И-1850 – 55 ед.хр. На некоторые фотографии из двух последних коллекций в негатеке МАЭ сохранились стеклянные негативы.

Помимо этого, в архиве МАЭ РАН [Ф. 12. Оп. 1.] хранятся привезенные из экспедиции фотографии по культуре айнов и гиляков Сахалина, сделанные Брониславом Пилсудским во время ссылки на остров и дальнейшего его пребывания на Дальнем Востоке в 1896–1905 гг. Их общая численность составляет 154 единицы [АМАЭ. Ф.12. Оп. 1. Д. 77, 78, 80].

Кроме того, значительный корпус фотографий по культуре вышеназванных дальневосточных народов, а также удэгейцев (удэхэ), нанай-

цев (гольдов), ульчей и корейцев, проживавших в то время на Дальнем Востоке, хранятся непосредственно в архиве МАЭ РАН, в фонде Б.А. Куфтина [АМАЭ. Ф. 12. Оп. 1]. Это фотографии, составившие следующие коллекции:

№ 81 – Гиляки. Побережье Охотского моря, о. Сахалин, 80 ед.хр.;

№ 82 – Гиляки, орочи, тунгусы. Побережье Охотского моря, о. Сахалин, 30 ед.хр.;

№ 83 – Гольды, гиляки, орочи. Побережье Охотского моря, о. Сахалин, 49 ед.хр.;

№ 84 – Гольды, ульчи. Дальний Восток, 14 ед.хр.;

№ 85 – Орочи. Антропологические типы, 25 ед.хр.;

№ 86 – Орочи, 37 ед.хр.;

№ 87 – Орочи, 18 ед.хр.;

№ 88 – Удэхэ, 22 ед.хр.;

№ 89 – Удэхэ, 69 ед.хр.;

№ 94 – Корейцы побережья Татарского пролива, 18 ед.хр.

Часть из 380 фотографий, хранящихся в этих архивных коллекциях, продублирована в собраниях, которые имеются в отделе Сибири, но значительный массив изобразительного материала отображает культуру других народов: гольдов, удэхэ, ульчей и корейцев. Визуальная информация также организована по принципу энциклопедизма и включает в себя многие разделы. Это антропологические типы и традиционная одежда; поселения, жилища и хозяйственные постройки; оленеводство, рыболовство, охота и собаководство; водный транспорт; содержание медведей, шаманские камлания с целью излечения от различных болезней и другие традиционные верования; захоронения и намогильные сооружения; домашний быт и ремесла; мир детства, ландшафт и природа. Как ни странно, в таком обширном списке этнографических разделов мы нашли всего лишь пять фотографий, на которых можно увидеть непосредственных участников Тунгусской экспедиции. На одной из них, сделанной в июле 1927 г. в ороченском стойбище на северном Байкале, в стоящей группе местных оленеводов запечатлены два сотрудника экспедиции – М.Г. Левин и Я.Я. Рогинский (рис.1).

Безусловно, исследователи в процессе фотографирования зачастую сталкивались со многими непредвиденными обстоятельствами. Трудно представить, сколько десятков, а то и сотен коробок со стеклянными фотопластинками и реактивами нужно было транспортировать с собой на поезде, пароходе, в лодке и рюкзаках в перепады температуры и влажности ночью, днем и в ненастную погоду. «Делая снимки, я решил приготовить коллективный портрет тунгуса, – писал в своем дневнике Куфтин. – Правда, это представляло большие трудности, т.к. вместо скольжения по рельсам [фотоаппарата] пришлось пользоваться просто перестановкой

Рис. 1 – Сотрудники экспедиции М.Г. Левин (в центре, в гимнастерке и шляпе) и Я.Я. Рогинский (слева от М.Г. Левина, через одного человека)

треноги» [Ф. 12. Оп. 1. Д. 51, лл. 37, 37 об.]. Как следует понимать, исследователь первоначально хотел сделать несколько панорамных снимков, но техническое состояние аппаратуры не позволило этого сделать.

О другом испытании поведал Куфтин, когда писал, что случилось во время проявления стеклянных негативов: «Здесь нас постигла большая неприятность: все коробки и пластины размером 10х15 см, на которых делались антропологические портреты, оказались с дурной эмульсией, пузырями отставшей с фотопластинок еще до их промывания. Едва удалось спасти самые головы. Повторить снимки уже не было возможности, т.к. тунгусы были отпущены и придется удовлетвориться тем, что имеем. Мы же старались переснять всех мужчин данного рода, чтобы создать представление о типе, который, надо сказать, оказался весьма характерным и вообще однородным…» [АМАЭ. Ф. 12. Оп.1. Д. 51, л. 38].

Как известно, без фотографии информация об изучаемом объекте часто бывает неполной: не всегда хватает времени на то, чтобы моментально обратить внимание на, казалось бы, бросающиеся в глаза особенности. Но имея в руках этот визуальный источник информации, после внимательного его рассмотрения подключаются многие возможности нашей зрительной памяти. Например, пассаж об одежде орочей Б.А. Куфтин писал, возможно, держа перед глазами фотографию (рис.2).

Рис. 2. Одежда и прическа молодого удэгейца

«На фото снят молодой мужчина в нарядном костюме. Косы снабжены длинными привесками из бус. Ворот, запах халата, обшлага рукавов, ноговиц и особенно голенища и носки обуви покрыты богатым накладным и вышитым орнаментом. Цвет ткани драп в данном случае – светло-синий. На пальцах – многочисленные кольца. Вообще мужчины одеваются более чем наряднее женщин и более следят за своей наружностью. Туалет, именно: расческа и заплетание волос занимает много времени и является любимым занятием молодых людей» [АМАЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 42, л. 11]. Другое его замечание о мужской внешности ороча (рис.3):

Рис. 3. Удэгеец, сидящий на берегу реки под навесом

«На фото снят мужчина, только что расчесавший волосы и заколовший их гребнем надо лбом. В ушах у него – серьги, которые последнее время у мужчин выходят из употребления, сохраняясь только у немногих франтов» [АМАЭ. Ф. 12, Оп.1. Д. 42, л. 14].

Задолго до проведения Тунгусской экспедиции исследователи, работавшие в Амурском регионе, неоднократно восхищались мастерством местных жителей, которое воплощалось в неподражаемых объектах декоративно-прикладного искусства. Не упустили такой возможности и сотрудники экспедиции. «Любовь к орнаментальному украшению одежды и утвари у удэhэ прямо поразительна: узор красочный, – в виде аппликации, – покрывает часто сплошь берестяную посуду и значительную часть мужского костюма. Мастерами узора являются,

главным образом, женщины. Особым ножичком с необыкновенной точностью и уверенностью наносится узор на память [по памяти] на поверхность бересты. На фото БК 143 [Бориса Куфтина – В.Д.] снята пожилая женщина за подобной работой. Сидя на земле и положив на вытянутое колено столик, она наносит узор на кусочек вываренной бересты. Очень хорошо видно положение работающей руки и способ держания ножа» [АМАЭ. Ф .12. Оп. 1. Д. 42, л. 14].

Полевые дневники Б.А. Куфтина изобилуют рисунками и карандашными набросками: их более 200, и они сопровождают многие описанные в дневниках объекты материальной и духовной культуры. Цветные рисунки отражают колорит хорошо узнаваемого орнамента, столь характерного для дальневосточного искусства.

Рисунки в большой степени дополняли полученные сведения, особенно тогда, когда фотографировать было нельзя, или по какой-либо причине фотографии не получились. Например, это очевидно со сценой камлания в первом после приезда чуме, где фотографировать не было возможности. После этого камлания Куфтин по памяти сделал 17 карандашных мини-рисунков камлающей шаманки. На них исследователь отобразил даже различные позы тела шаманки, характерные для камлания в определенные моменты, которые к тому же им были отмечены временным хронометражем.

В отделе Сибири Кунсткамеры хранятся также 27 стеклянных негативов, среди которых находятся и весьма примечательные. Так, например, имеются два негатива, запечатлевшие речные средства передвижения у орочей. На них изображен орочский мужчина возле большой долбленой лодки с разведенным рядом костром. Сначала у автора данной статьи возникла ассоциация с тем, что это напоминает этап изготовления долбленки аяно-майскими тунгусами во время разводки бортов лодки. Для этого они еще в 1920-х гг. заполняли челн водой и бросали в него раскаленные камни. За счет того, что вода становилась горячей, борта долбленки распаривались, и их с помощью деревянных распорок разводили в стороны [Дьяченко, Ермолова, 1994, с. 75–76]. Описание почти такой же техники разводки бортов лодки у орочей можно обнаружить в полевых записях Б.А. Куфтина. По нашей просьбе С. В. Березницкий во время экспедиции к орочам реки Тумнин опросил местных жителей и выяснил, с какой целью местные рыболовы разводили небольшой костер под дном долбленой лодки. Оказалось, что они использовали костер для того, чтобы дно лодки под действием пламени огня слегка обугливалось и становилось более твердым. Таким образом, транспортное средство во время переправы через перекаты и по мелководью меньше подвергалось механическому воздействию о каменное дно русла реки.

Итак, численность фотографий, отражающих культуру охваченных исследованиями дальневосточных народов, в визуальном наследии Тунгусской экспедиции составила около восьмисот единиц:

Орочены – 163 фотографии;
Орочи – 239 фотографий;
Ороки – 101 фотография;
Гиляки (нивхи) – 168 фотографий;
Удэхэ (удэгейцы) – 91 фотография;
Гольды (нанайцы) – 21 фотография;
Ульчи – 3 фотографии;
Корейцы – 14 фотографий.

В целом среди фотографий в коллекциях больше всего таких, которые отражают типы поселений, жилые и хозяйственные постройки (всего 137 фотографий). Среди многочисленных разновидностей построек встречаются и довольно редкие даже для того периода времени. Это может говорить о фотографиях корьевых построек, где все детали жилища: крыша, стены и дверь – сделаны исключительно из больших пластов коры, снятой с крупных лиственниц (рис. 4).

Рис. 4. Корьевое жилище у орочей

В селении Душкачаны, что на северо-западном побережье Байкала, было сфотографировано здание больницы (бывшей некогда домом священника) со стоящими рядом берестяными чумами тунгусов. Оленеводы, среди которых в то время были больные люди, прикочевывали сюда и устанавливали стойбище, а нуждающиеся проходили курс лечения (рис. 5).

Рис. 5. Стойбище ороченов возле больницы на Северном Байкале

Вторая по численности группа фотографий, относящихся к сфере духовной культуры коренного населения – шаманизму и другим традиционным верованиям, составляет 108 фотографий. Куфтину с участниками экспедиционного отряда довелось сразу по приезде на северный Байкал, как упоминалось выше, побывать на шаманском камлании. Правда, как он с сожалением отмечает в своем дневнике, само камлание прошло «мало удачно», так как местный доктор, с которым Куфтин познакомился еще на пароходе, плывя к северному побережью Байкала, «излишне угостил шамана и его помощника водкой». Но, переночевав в чуме в тайге, наутро с пришедшим туда уже протрезвевшим шаманом он сфотографировал, зарисовал и описал детали его шаманского костюма [Ф. 12. оп. 1. Д. 51, л. 40].

О другом случае, относящемся к сфере традиционного мировоззрения, Б.А. Куфтин записал в своем дневнике: «За спирт доктору (все тому же местному врачу) удалось приобрести связку домашних идолов, которые другим способом получить было совершенно невозможно». Тунгусы, однако, не одобрили за этот поступок хозяина культовых предметов, предупреждая, что ему от этого будет плохо. «Действительно, – продолжал Куфтин, – их слова оказались пророческими: в ту же ночь его жена в связи с размолвкой из-за продажи мужем семейных охранителей в отчаянии убежала в тайгу, по словам однородцев, чтобы повеситься, и ее долго не могли найти. Все закончилось относительно благополучно: через три дня женщина была найдена в тайге, в 40 км вверх по течению реки в состоянии тяжелого нервного расстройства» [Ф. 12. Оп. 1. Д. 51, л. 41]. В коллекции фотографий Байкальского отряда экспедиции имеется снимок, очевидно, запечатлевший этих охранителей (рис. 6).

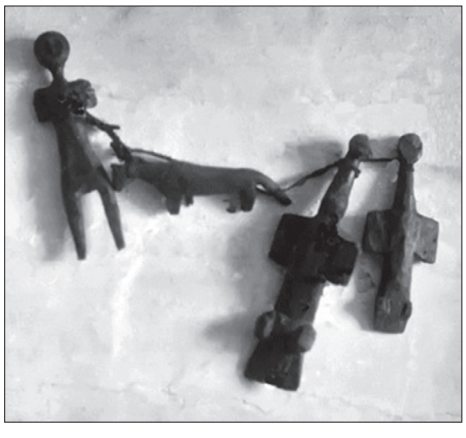

Рис. 6. Связка семейных охранителей у ороченов

В своем дневнике Куфтин также зарисовал эти культовые предметы и подробно их описал [Ф. 12. Оп. 1. Д. 39, л. 20].

Третья категория фотографий – это антропологические типы коренных жителей, как правило, запечатленных в традиционной одежде (89 фотографий). Было бы странным отсутствие антропологического массива в фотоколлекции, имея в отряде двух аспирантов-антропологов (М.Г. Левина и Я.Я. Рогинского), ставших впоследствии известными учеными. Очень любопытная фотография, сделанная Б.А. Васильевым на севере острова Сахалин, хранится в колл. № 1738. Под номером 11 значится «молодая жена тунгуса, – дочь айнки и ссыльного поляка» (рис. 7).

Несомненно, существует мало шансов, но возраст молодой женщины и портретное сходство со своим потенциальным отцом может говорить о вероятной возможности видеть на этом снимке дочь Б. Пилсудского. Хотя, с другой сто-

Рис. 7. Девушка-метиска на северном Сахалине

Рис. 8. Нивх в праздничном костюме

роны, мало ли ссыльных поляков было на Сахалине в конце XIX в.?

Не менее интересным является снимок нивха в ритуальной или праздничной одежде (рис. 8).

Характер декора на халате и его оформление указывает на сложность происхождения этого костюма. В описи коллекции [Ф. 12. Оп. 1. Д. 81, л. 5] для данной фотографии имеется лишь короткая надпись: «человек в интересной одежде». Судя по этой реплике, фотограф, запечатлевший костюм (к тому же несколько большего размера для сфотографированного в нем мужчины), не имел возможности выяснить его происхождение. Причин тому могло быть несколько, одна из них такая, как отсутствие в тот момент переводчика.

Особенностям оленеводческих хозяйств ороченов, проживающих на северном Байкале и ороков – на Сахалине, посвящено 43 фотографии. Среди них имеется фотографический снимок приготовления к кастрации оленя, которого нам не доводилось видеть у эвенков и эвенов Якутии и Камчатки. Для этой процедуры оленя фиксировали веревкой за шею к дереву, а к бокам животного привязывали две длинные оглобли (рис. 9).

Рис. 9. Подготовка домашнего оленя к кастрации. Орочены

Во время кастрации за эти жерди приподнимали заднюю часть оленя. Один из мужчин садился на корточки под задние ноги животного и осуществлял зубами бескровную операцию.

Вглядываясь в фотографию, сделанную в одном из стойбищ, на которой изображен орочен, стоящий на спине животного, возникает дилемма – чему удивляться больше: спокойствию оленя или выдержке стоящего на нем юноши (рис. 10).

Рис. 10. «Джигитовка» на олене. Орочены

Захоронения и намогильные памятники коренного населения изучаемых районов отражены в 41 фотографиях. Среди всех других фотографий определенного внимания заслуживает изображение погребения утонувшего в море орокского ребенка. Судя по предметам, оставленным на могиле, и тому, где, кроме православного креста, запечатлены лодка, весла, рыболовная сеть и ремень с наконечником от гарпуна, здесь был похоронен мальчик (рис. 11).

Рис. 11. Могила утонувшего ребенка. Ороки

Наравне с фотографиями, отражающими погребальные сооружения и собственно места захоронений, многие памятники Куфтин запечатлел в полевых материалах планами раскопанных захоронений, рисунками расположения костяков (скелетов) и сопроводительного инвентаря. Особенно много рисунков было сделано на раскопках 14 погребений предполагаемых «тунгусо-маньчжуров», обнаруженных при устье р. Зеи, возле деревни Спицино.

Раздел, условно названный «миром детства», включает 65 фотографий. Дети всегда были в центре внимания коренных жителей Сибири, ведь они должны стать продолжателями традиций своих отцов, хранителями очага их родной культуры. На фотографиях можно видеть, как девочки помогали матерям выделывать рыбьи шкурки, которые затем использовали при шитье из них одежды и обуви. Мальчики не только подражали отцам, играя с луком в охоту, но и самостоятельно могли управлять долбленками на реке и учились охотиться на морского зверя.

Несомненный интерес для историков представляют фотоснимки Куфтина экспозиций музея г. Владивостока, которые отражают традиционную культуру коренного населения Дальнего Востока в начале XX столетия. На музейных стендах представлены традиционные экспонаты рубежа прошлого и позапрошлого столетий и заслуживающие определенного внимания исследователей.

Таким образом, даже краткий обзор фотоиллюстративного наследия Тунгусской экспедиции 1927–28 гг. позволяет говорить о ее значительной роли в пополнения базы этнографических данных по традиционному хозяйству, быту и культуре народов Дальнего Востока и Сахалина. Целенаправленная работа по отбору и фиксации визуальных экспедиционных материалов указывает на энциклопедичность в подходе к решению этногенетических задач, поставленных перед сотрудниками экспедиции. Особенно отчетливо это видно в наличии фотоиллюстративных материалов по таким базовым определениям этнической культуры, как антропологические типы населения, особенности хозяйственно-культурных типов и жилые и хозяйственные постройки.

Количества фотографий по дальневосточным народам с комментариями, почерпнутыми

из полевых дневников сотрудников экспедиции, может быть вполне достаточно для составления общего портрета коренного населения Приамурского края и Сахалина, который был характерен для первой трети XX столетия.

Литература

Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 16, 38, 39, 41, 42, 51, 52, 61, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 109, 124, 129.

Алексеева С.А. Символические формы коммуникации тунгусов в рамках когнитивной антропологии: основные поведенческие концепты (к постановке проблемы) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 2(27). – С. 10–17.

Березницкий С.В. Фотоколлекции Тунгусской экспедиции в фондах Музея антропологии и этнографии РАН // Вопросы музеологии. – 2018. – Т. 9. Вып. 1. – С. 111–119.

Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока XVII–XX вв. – СПб.: Наука, 1994. – 160 с.

Ипполитова А.Б. История музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 144–160.

Dyachenko V.I. Plot features of photo illustrative materials of the Tungus expedition of 1927–28 in the collections of the MAE RAS (Kunstkamera).

V.I. Dyachenko

Plot Features of Photographic Materials of the Tungus Expedition 1927-1928 in the Collections of the Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Kunstkamera)

The Central Museum of Ethnology (Moscow) and the Anthropological Institute of Moscow University organized the Tungus expedition in 1927-1928, headed by B.A. Kuftin, the head of the Siberian Department of the Museum. The purpose of the expedition was to collect ethnographic and anthropological materials, photo collections from the northern and southern groups of the Tungus-Manchus. The research topics were expanded and covered all aspects of the material and spiritual culture of the indigenous peoples of the Soviet Far East. In the expedition worked 2 teams: the Severobaikalsky (in the first year of work) and the Amur-Sakhalin (both seasons). Firstly, B.A. Kuftin conducted research on Northern Baikal among Oroches and then proceeded to the Far East for joint work with other detachment. The next year, 1928, the expedition continued its work among the Oroks of Sakhalin and the Udege living in the area of the river Khor. As a result of expeditionary research, in addition to the delivery to the museum of a large collection of Oroks, Tungus, Nanai people (Golds), Nivkh people (Gilyak) everyday life (more than 500 items), more than 800 ethnographic photographs were taken. In addition, in the diaries of B.A. Kuftin has more than 200 drawings depicting various ethnographic objects. Evaluating the contribution of the Tungus expedition to the ethnographic study of the peoples of the Far Eastern region and, in particular, its visual heritage, it should be noted that an encyclopedic approach is characteristic of intersecting subject lines of filming. It was primarily due to the fact that the head of the expedition B.A. Kuftin adhered to the comparative historical method of studying peoples as the main scientific research.

Keywords: Central Museum of Ethnology, Tungus expedition of 1927−1928, Northern Baikal, the Far East and Sakhalin, Tungus-speaking peoples, Nivkhs, photographic material, Kunstkamera.